

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800022746-6

О развитии абстрактной семантики: глаголы ‘делать’ в диахронической перспективе

© 2022 г. Т. И. Резникова

Кандидат филологических наук,
доцент Национального исследовательского университета
“Высшая школа экономики”,
Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20
treznikova@hse.ru

Резюме. В статье на примере развития лексем со значением ‘делать’ в германских, славянских, тюркских, семитских и некоторых других языках прослеживается процесс семантической генерализации. Эта эволюция включает переход от обозначения действий по созданию конкретных объектов (ср. ‘готовить еду’) через семантику любого креативного действия (ср. англ. *make*) к значению предельного действия, не ведущего к появлению нового объекта, и – далее – любой неопределяемой контролируемой деятельностью. Специфика такой эволюции состоит в сложном взаимодействии метонимических и метафорических механизмов, участвующих в становлении семантики абстрактных глаголов.

Благодарность. Статья подготовлена по результатам проекта “Лексический анализ библейских текстов в типологической перспективе” при поддержке фонда “Гуманитарные исследования” ФГН НИУ “Высшая школа экономики” в 2022 году. Автор глубоко признателен всем участникам проекта, и прежде всего Марии Беловой, за обсуждение семитского языкового материала.

Ключевые слова: абстрактные глаголы, семантическая генерализация, семантический сдвиг, глагол ‘делать’.

Для цитирования: Резникова Т.И. О развитии абстрактной семантики: глаголы ‘делать’ в диахронической перспективе // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 5. С. 48–56. DOI: 10.31857/S160578800022746-6

On the Development of an Abstract Meaning: Verbs of Doing and Making in a Diachronic Perspective

© 2022 Tatiana I. Reznikova

Cand. Sci. (Philol.),
Associate Professor at the HSE University,
20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russia
treznikova@hse.ru

Abstract. The paper discusses the process of semantic generalization, i.e. semantic evolution from a more concrete to a more abstract meaning. We focus on the development of verbs of doing as evidenced by available etymological data of Germanic, Slavic, Turkic, Semitic and some other languages. The general line of this development goes from the idea of creating a certain type of objects (cf. ‘cook’) via a more general meaning of any action that results in creation of a new entity (cf. Engl. *make*) to the expression of any telic action and then to a verb of any (including atelic) agentive activity. This evolution is challenging from a theoretical standpoint since it exhibits a complex interaction between metonymic and metaphorical mechanisms of semantic change.

Acknowledgements. This work was supported by the Humanitarian Research Foundation of the Faculty of Humanities, HSE University in 2022, Project “Lexical analysis of biblical texts in a typological perspective”. The author is deeply grateful to all the project participants, and especially to Maria Belova, for the discussion of the Semitic data.

Key words: abstract verbs, semantic generalization, semantic shift, verbs of doing, verbs of making.

For citation: Reznikova, T.I. *O razvitii abstraktnoj semantiki: glagoly ‘delat’ v diahronicheskoj perspektive* [On the Development of an Abstract Meaning: Verbs of Doing and Making in a Diachronic Perspective]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 5, pp. 48–56. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800022746-6

1. Генерализация и специализация в истории лексики

Основным двигателем диахронических изменений на лексическом уровне обычно признается метафора. Показательно, например, что Каталог семантических переходов — одна из крупнейших типологических коллекций регулярно воспроизводимых изменений в лексике — содержит прежде всего случаи метафорических переносов (см. datsemshift.ru, а также [1]–[2]). Метафору часто относят к базовым механизмам семантического сдвига и при грамматикализации — по крайней мере на ее ранних этапах (см. [3]).

Конечно, другие типы семантических переходов тоже обсуждаются в исторической лингвистике. Начиная с классических работ в этой области (см., например, [4]–[6]), среди основных видов изменений, затрагивающих лексику, называются расширение (генерализация) и сужение (специализация) значения. Генерализация предполагает движение вверх по таксономическому дереву: гипоним расширяет свою семантику до гиперонима. Специализация соответствует обратному процессу — вниз по таксономическому дереву, т.е. от гиперонима к гипониму. Вполне ожидаемо, что эти переходы иллюстрируются примерами из области предметной лексики, где гипо-гиперонимические отношения прослеживаются лучше всего, ср. переходящие из работы в работу случаи, с одной стороны, сужения: англ. *deer* ‘дикое животное’ → ‘олень’, англ. *hound* ‘собака (любой породы)’ → ‘гончая’, а с другой — расширения: немецк. *Tier* ‘дикое животное’ → ‘любое животное’, ср. здесь также многочисленные переносы названий брендов на любую продукцию, аналогичную выпускаемой этим брендом (как *Xerox* ‘фирма, производящая копировальные аппараты, и сам аппарат этой фирмы’ → ‘любой копировальный аппарат’).

За пределами предметной лексики гипо-гиперонимические связи выявляются гораздо менее четко. Между тем, очевидно, что переходы между единицами более узкой и более широкой семантики не ограничиваются конкретными именами.

В настоящей работе мы обсудим изменения значений такого рода на материале глагольной лексики.

Нас будет интересовать развитие абстрактных глаголов. “Абстрактными” называют глаголы, которые не задают конкретного зрительного образа описываемых ситуаций (см. [7]–[8]). Этим они отличаются от глаголов типа *бежать*, *причесывать*, *висеть*, *дрожать*: в случае последних мы легко можем представить себе действие или состояние, которое выражает та или иная лексема. Напротив, глаголы *начинать* или *исправлять* не ассоциируются с определенной “картинкой”: субъекты этих глаголов могут совершать очень разные действия и тем не менее не выходят за рамки ситуаций ‘начинать’ или ‘исправлять’. К числу таких абстрактных глаголов, безусловно, относятся и лексемы с семантикой ‘делать’. На их примере мы проследим, как появляются предикаты с абстрактным значением и из каких источников они развиваются.

Прежде чем перейти к обсуждению семантических источников, обратим внимание, что переводными аналогами для русского *делать* в других языках могут выступать сразу несколько глаголов. Наиболее очевидный случай такого рода — это английские лексемы *make* и *do*. В терминах фреймового подхода (см. [9]) английское противопоставление свидетельствует о том, что в зоне ‘делать’ выделяется по крайней мере два фрейма. Речь может идти о создании нового объекта в процессе действия (креативный фрейм) или о действиях с уже существующим объектом (фрейм обработки). В русском эти ситуации коллектифицируются, т.е. описываются одной и той же лексемой (ср. термин “коллексификация” в [10]). Аналогичное совмещение имеет место, например, во французском (*faire*), персидском (*kardan*), грузинском (*keteba*), агульском (*aq’as*). В английском же два фрейма разведены по разным лексемам: *make* задает креативные ситуации (ср. *make tea* ‘заваривать чай’, *make a copy* ‘делать копию’), а *do* — ситуации обработки (ср. *do the room* ‘убирать

комнату', *do the museum* 'осматривать музей'). Аналогичное противопоставление характерно для корейского, где *mantulta* соответствует креативным контекстам (*osul mantulta* 'шить платье'), а *hata* предполагает обработку объекта (*ku ilul hata* 'выполнить эту работу').

Далее мы отдельно рассмотрим процессы развития семантики для креативного действия и для действия по обработке объекта, хотя в ходе изложения мы убедимся, что эти процессы в значительной степени связаны друг с другом.

2. Семантика креативного действия

Если представлять абстрактность глагола как градуируемое свойство, то креативное 'делать', видимо, будет обладать им в меньшей степени, чем 'делать' обработки. Действительно, в случае креативного фрейма до некоторой степени специфицирован результат — появление нового объекта, тогда как обработка не предопределяет каких-либо характеристик действия. Несмотря на чуть "меньшую" абстрактность, есть основания полагать, что креативное 'делать' должно развиваться не посредством сужения семантики более абстрактных лексем, а как результат расширения глаголов с более конкретным значением.

Такое предположение позволяют сделать исследования семантических зон 'искать' (см. [11]) и 'прятать' [12]. Хотя эти поля значительно уступают креативному 'делать' по степени абстрактности, соответствующие им глаголы тоже часто недоспецифицированы — прежде всего по способу действия. Этого уровня абстрактности "хватает" для того, чтобы источниками для глаголов поиска и прятания выступали лексемы с более конкретным значением. Эти глаголы указывают на возможный способ действия, ср. 'ходить', 'нюхать', 'щупать' как источники для 'искать', а также 'покрывать', 'маскировать' как источники для 'прятать'.

Таким образом, в случае креативного 'делать' тем более можно ожидать развитие из глаголов с более конкретной семантикой. На материале лексем, для которых доступны этимологические данные, проследим, какие именно ситуации служат основой для обобщенного значения создания объекта.

К глаголам с хорошо зафиксированной историей относится английский *make* и, соответственно, его немецкий когнат *machen*. Они восходят к форме **makon* — западногерманскому образованию от прагерманского существительного **maka*. Исследователи расходятся в определении изначально

присущего глаголу значения, восстанавливая для него следующие смыслы: 'месить, замешивать (тесто, глину)', 'готовить (еду)', 'строить', 'соединять, связывать' (подробнее см. [13, с. 25–26]).

Очевидно, однако, что указанные смыслы не противоречат друг другу, а отражают семантическую эволюцию глагола от более частного к более общим значениям. Если наиболее конкретный смысл 'месить, замешивать (тесто, глину)' принять за изначальный, то в результате метонимического переноса из него, с одной стороны, развилось значение 'готовить еду' (<'месить тесто'), с другой — 'строить дом' (<'замешивать глину'). В то же время обобщение смысла 'месить, замешивать' (с целью создать что-л.) привело к возникновению более абстрактной семантики 'соединять' (с целью создать что-л.). В результате этого перехода устраняется присутствующее в значении 'месить, замешивать' представление о движениях, сопутствующих действию, и его результате ('густая однородная масса'). Значение 'соединять' характерно, например, для глагола (*gi*)*machon* в древневерхненемецких памятниках VIII–IX вв. (см. [13, с. 29–42]).

В ходе дальнейшего развития несущественным становится то, какое именно действие приводит к созданию чего-л., глагол получает обобщенное значение 'готовить, создавать, производить'. Любопытно, что наиболее ранние свидетельства нового значения встречаются в памятниках, происходящих из Франконии (см. [14]), и в памятниках именно этого региона рассматриваемый глагол впервые фиксируется в грамматической функции [13, с. 67].

В целом становление креативного значения у глагола *make* можно считать случаем семантического расширения в глагольной лексике: создание объектов определенного типа распространилось на создание любого объекта. Вместе с тем, по-видимому, не любое действие, приводящее к появлению новой сущности, может развить общее креативное значение. В случае предметной лексики подобные ограничения обсуждались в терминах прототипа. Отмечалось, что потенциал к расширению имеют прежде всего прототипические представители категории, т.е., например, только существительное, называющее прототипическую породу собак, может становиться общим обозначением собаки (см. [15]–[17]).

Для глаголов механизм сдвига оказывается сложнее. Он задействует, во-первых, метонимическое преобразование, при котором ситуация, описывающая одно звено в последовательности действий, связанных общей целью,

распространяется на всю последовательность (ср. ‘месить тесто’ → ‘готовить’, ‘соединять компоненты’ → ‘создавать’). Во-вторых, это новое значение охватывает не только ситуации, включающие исходное действие, но и любые ситуации с аналогичной целью (т.е. семантика ‘готовить (еду)’ покрывает не только изготовление изделий из теста, но и создание любой еды, в том числе и не требующей замешивания теста). Наконец, имеет место процесс, который можно было бы назвать “схематизацией”, когда из конкретного действия вычленяется абстрактная схема, объединяющая это действие с целым рядом других, и все ситуации, укладывающиеся в эту схему, включаются в сферу покрытия лексемы (‘месить тесто’ → ‘соединять компоненты’).

Если расширение одного этапа на всю последовательность, как мы говорили, сходится с традиционным представлением о метонимии по модели ‘часть’ → ‘целое’, то схематизацию можно сблизить скорее с метафорой. Действительно, в основе метафоры часто лежит некоторая абстрактная идея, которая и служит базой для сдвига. Так, многие метафоры глаголов падения опираются на представление о том, что субъект в результате перемещения начинает находиться в новом месте (см. [18]); ср. также в этой связи идею родового пространства в теории концептуального блендинга [19]. Таким образом, семантическая эволюция западногерманского **makon* показывает, что генерализация значения в глагольной лексике подразумевает сложное взаимодействие метонимических и метафорических механизмов семантического сдвига.

Мы видели, что развитие **makon* можно условно разделить на два этапа: (1) от конкретного действия к более абстрактному ‘соединять’ и (2) от ‘соединять’ к ‘создавать’. Первый этап как более ранний в большинстве случаев не удается восстановить в истории современных глаголов ‘делать’, но второй засвидетельствован в целом ряде генетически далеких языков. Так, к общетюркскому корню **taŋ-* ‘соединять, связывать’ возводят чувашский глагол *tu-*, среди современных значений которого к наиболее ранним относится семантика производящей деятельности (см. [20]). Грузинский глагол *keteba* ‘делать’ восходит к картвельскому корню **ket-* ‘добавлять, соединять’ [21, с. 88].

Интересно, что и в русском можно найти косвенное подтверждение аналогичного развития. Нейтральной видовой парой для глагола *делать* является дериват с приставкой *с-*. При этом одно из значений префикса *с(о)-* — это ‘соединение

объектов’, ср. *склеить, соединить, собрать*. Можно предположить, что это же значение приставка имела и в глаголах *sъtvoriti, sьdѣjati, sьdѣlati* в древнерусском. С учетом эффекта Вея—Схоневелда (см. тж. [22]–[23]) это должно означать, что семантика бесприставочных глаголов *tvoriti, dѣjati, dѣlati* на некотором этапе их семантической эволюции включала идею соединения. Соответственно, значение префикса было “поглощено” значением корня, так что пары *tvoriti-sъtvoriti, dѣjati-sьdѣjati, dѣlati-sьdѣlati* стали восприниматься как чисто видовые (отметим, что в памятниках все три глагола отражают сходное значение — ‘создавать, производить, причинять’ [24]). Следы более ранней семантики, связанной с идеей соединения, можно обнаружить в словосочетании *dѣjati věče* (‘собирать вече’), многократно встречающемся в Ипатьевской летописи и в Московском летописном своде [24, с. 131].

Таким образом, переход от ‘соединять’ к креативному ‘делать’, характерный для западногерманского **makon*, воспроизводится и в некоторых других языках. Интересно, что косвенное свидетельство перехода от семантики конкретной производящей деятельности (в частности, замешивания теста) к обозначению любого созидательного действия имеется и в библейских текстах. Так, древнееврейский глагол *‘āšā* встречается в Ветхом Завете главным образом в значении ‘делать’ (в том числе в креативном употреблении), но в отдельных случаях ему соответствует семантика ‘сжимать, мять (в руке)’ [25, 7360–7361]. При этом арабский когнат глагола *‘āšā – ġšū* — выражает значение ‘сжимать, месить’. Вполне возможно, что семантика конкретного действия в истории данного семитского корня предшествовала более абстрактному значению, тогда и здесь имел место переход от ‘месить’ к общему ‘делать’.

Предшествовать семантике креативного действия, судя по доступным этимологическим данным, могут и другие значения, в частности ‘класть, ставить’ (соответственно, закладывать основу, создавать) (ср. индоевропейский корень **dʰē-*, от которого произошли немецкий глагол *tun* и английский *do*, ср. также русский глагол *дѣть*, этимологически связанный с *дѣлать* и восходящий к этому же корню); ‘резать, вырезать’ (соответственно, ‘придавать форму, формировать, создавать’) (ср. хинди *karnā*, персидск. *kardan* [26, с. 18]); ‘покрывать’ (такое значение восстанавливают для турецкого глагола *уар-* [20, с. 97]). В ходе эволюции все эти глаголы приобретают значение абстрактной деятельности, ведущей к созданию нового объекта.

Обратим внимание на одну деталь, которая может показаться противоречащей логике нашего обсуждения. Говоря о развитии семантики креативного 'делать', мы приводили источники для глаголов, во-первых, не ограничивающихся креативными контекстами (ср. русск. *делать*), а во-вторых, и вовсе не употребляющихся в значении создания нового объекта (англ. *do*). Однако эти глаголы появились в нашем изложении не случайно. Дело в том, что семантика обработки нередко становится следующим этапом развития креативного значения, т.е. и русский *делать*, и английский *do* приходили в поле 'делать' через креативный фрейм. Иными словами, семантическая эволюция глаголов не останавливается на этапе, синхронно представленном в английском *make*. Одним из типологически наиболее регулярных переходов является дальнейшая абстрактизация семантики производящей деятельности в сторону обозначения любого намеренно осуществляемого действия, т.е. распространение сферы покрытия глагола и на фрейм обработки.

3. Семантика обработки

Развитие значения обработки из семантики креативного действия отмечено, например, для древнерусского глагола *dělati*: до XV в. тексты отражают для него только значение 'производить (ремесленным способом), строить, сооружать', см. [24, с. 127]. Тот же процесс имел место в истории тюркских глаголов (чувашск. *tu-*, турецк. *et-*, *уар-*, см. [20]); амхарского (<эфиосемитские) глагола *adärrägä* [27, с. 219]; северногерманского глагола *gera/gerva*, см. [28]; западногерманских глаголов *tun*, *do*.

На начальном этапе данной эволюции идея создания конкретного нового объекта (дома, одежды, еды и т.д.) обобщается до возникновения нового признака, свойства, абстрактной сущности, что затем осмысливается как наличие некоторого (необязательно связанного с появлением чего-л. нового) результата действия. В дальнейшем представление о результате становится несущественным, тем самым глагол начинает использоваться для обозначения активной, намеренно и осознанно осуществляемой деятельности любого рода. Описанное развитие можно представить в виде следующих этапов:

(1) креативность → предельность → неопределенность

Последующая абстрактизация может привести к выражению при помощи глагола любой динамической ситуации, в том числе не предполагающей агентивного участника, однако в большинстве случаев это означает выход глагола из сферы

лексического в сферу грамматического, что подтверждается параллельным развитием ряда грамматикализационных процессов на морфосинтаксическом и фонетическом уровнях (подробнее о путях грамматикализации глаголов со значением 'делать' см. [29]–[32]).

С точки зрения этапов в (1) показательное соотношение двух пар когнатов из английского и немецкого языков — англ. *do* / нем. *tun* и англ. *make* / нем. *machen*. Если в английском, как мы обсуждали, *make* отличается от *do* наличием объекта, создаваемого в процессе действия, то в немецком противопоставление основано на признаке предельности: *machen* описывает предельное действие, а *tun* — неопределенное, ср.:

(2) *Er macht diese Arbeit gerne*. 'Он с удовольствием выполнит эту работу'.

(3) *Er tut seine Arbeit gerne*. 'Он с удовольствием занимается своей работой'.

Таким образом, различие между системами проявляется в предельных ситуациях обработки: английский использует в этой зоне *do*, а немецкий — *machen*. Соотношение глаголов можно представить в виде таблицы:

Таблица 1. Семантика английских и немецких глаголов поля 'делать'

	предельный процесс		неопределенный процесс
	создание объекта	обработка	
англ.	<i>make</i>	<i>do</i>	<i>do</i>
нем.	<i>machen</i>	<i>machen</i>	<i>tun</i>

Расхождение систем связано с разными стадиями семантической эволюции глаголов. Глаголы, восходящие к индоевропейскому корню **d^hē-* (*do* и *tun*), являются более древними, этот корень представлен в большинстве индоевропейских языков (см. [33, с. 117–119], ср. также восстанавливаемое для него в праиндоевропейском значение 'ставить, класть', характеризующееся довольно высокой степенью абстракции). Соответственно, этот глагол на более раннем этапе развития языка приобретает значение производящей, созидательной деятельности, которое затем эволюционирует в обобщенную семантику действия (ср. [34, с. 361–363]; [35, с. 256]).

Глагол, восходящий к германскому **makon*, является в языке относительно поздно, он представлен только в западногерманских языках и, как отмечалось, имеет изначально конкретное значение 'месить, замешивать (тесто, глину)'. Развиваясь в сторону более абстрактного значения,

пройдя через семантическую стадию ‘соединять’, он приобретает значение производящей деятельности, расширяет свои сочетаемостные возможности и, по всей вероятности, постепенно вытесняет в креативном употреблении глаголы, восходящие к корню **d^hē*. Так, в древневерхне-немецком этот переход осуществляется к началу XI в. (см. [13, с. 26]). В ходе дальнейшей эволюции глаголы, генетически связанные с **makon*, демонстрируют тенденцию к расширению своего семантического потенциала, в результате чего они начинают заменять более древние глаголы со значением ‘делать’ и в других контекстах. Если в английском употребление *make* как самостоятельной лексической единицы ограничено креативными контекстами, то в немецком, как видно из Таблицы 1, семантическая эволюция глагола *machen* зашла дальше: он используется для обозначения любого предельного действия, сузив тем самым семантический потенциал глагола *tun*. В контекстах, для которых еще в начале XIX в. характерно употребление *tun*, в современном языке допустимо только *machen*. Ср., например, у Шиллера [36, с. 556]:

(4) *Die Dänen taten den Angriff mit vieler Tapferkeit.*

‘Датчане совершили отважное нападение (букв. сделали нападение) с большой отвагой’,

В современном немецком в сочетании со словом *Angriff* ‘нападение’ употребляется только глагол *machen*.

Итак, на примере двух западногерманских языков мы показали разные этапы семантической эволюции глаголов от обозначения действия абстрактного, но связанного с идеей создания объекта, до выражения идеи активной деятельности в ее наиболее обобщенном виде.

Сходные процессы, видимо, можно наблюдать и в истории тюркских языков. Здесь имеется по крайней мере три глагола со значением ‘делать’ (*qyl-*, *et-*, *uap-*), функции которых распределены различным образом в отдельных языках. Общая тенденция связана с вытеснением наиболее древнего из трех глаголов — глагола *qyl-* — лексемой *et-*, которая затем в свою очередь вытесняется глаголом *uap-*. Различные языки находятся на разной стадии данной эволюции. Так, в современном турецком языке лексема *qyl-* вышла из употребления, а глагол *uap-* постепенно вытесняет *et-* (последний может использоваться, как правило, для обозначения неопредельных ситуаций).

Выше речь шла о развитии, которое постепенно приводит глаголы с креативной семантикой к значению неопредельного ‘делать’. Однако

глаголы общего действия с неопредельной семантикой могут развиваться и из обозначений более конкретных неопредельных ситуаций, например, ‘работать’ (ср. польск. *robić*, арамейск. *‘bd* [25, 6700, 10934]), ‘идти/перемещаться’ (ср. исландск. *fara*, китайск. *hsing* [26, с. 18], ср. также русск. *поступить*).

4. Заключение

Материал языков с доступными этимологическими данными позволяет в общих чертах восстановить процесс развития глаголов абстрактного действия. Основная линия эволюции, судя по нашему материалу, связана с последовательным переходом от обозначения действий по созданию конкретных объектов (этот этап находится еще за пределами семантического поля ‘делать’), через семантику любого креативного действия (здесь уже глагол попадает в зону ‘делать’), к значению предельного действия, не ведущего к появлению нового объекта, и — далее — любой неопредельной контролируемой деятельности. В ходе развития лексема может накапливать все “промежуточные” значения и оставаться доминантным глаголом поля, как *делать* в русском. Но возможен и другой сценарий эволюции: по мере того, как глагол продвигается в сторону все более абстрактной семантики, в языке могут появляться новые глаголы, “вытесняющие” его из более конкретных областей поля ‘делать’. Такое развитие мы наблюдали для западногерманских когнатов, восходящих к **d^hē* и **makon*.

В теоретическом отношении описанные переходы представляют случаи семантической генерализации. Как мы отмечали, расширение значения обычно иллюстрируется примерами из предметной лексики. Глагольный материал до некоторой степени обнаруживает параллели с именным: в ряде случаев и наши данные можно связать с понятием прототипа. Так, по всей вероятности, представление о прототипическом действии связано с идеей его материального результата, т.е. с возникновением в ходе действия нового объекта. Поэтому сдвиг от креативного фрейма к значению любой агентивной деятельности, как и в случае предметной лексики, можно трактовать как переход лексем от обозначения прототипического представителя категории к обозначению категории в целом. В то же время отсутствие четких гипо-гиперонимических связей в глагольной лексике существенно усложняет “механику” таких переходов: как мы видели на примере эволюции **makon*, абстрактное значение является результатом сложного взаимодействия

метонимических и метафорических преобразований исходной семантики. Дальнейшее исследование абстрактных глаголов и их типологических источников позволит точнее понять природу семантической генерализации в языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Зализняк Анна А.* Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект создания “Каталога семантических переходов” // Вопросы языкознания. 2001. № 2. С. 13–25.
2. *Zalizniak Anna A., Bulakh M., Ganenkov D., Gruntov I., Maisak T., Russo M.* The catalogue of semantic shifts as a database for lexical semantic typology // Linguistics. 2012, № 50 (3). Pp. 633–669.
3. *Heine B., Claudi U., Hünnemeyer F.* Grammaticalization: a conceptual framework. Chicago: University of Chicago Press, 1991.
4. *Paul H.* Prinzipien der Sprachgeschichte. Tübingen: Niemeyer, 1880.
5. *Bréal M.* Essai de sémantique: Science des significations. Paris: Hachette, 1897.
6. *Ullmann S.* Grundzüge der Semantik. Die Bedeutung in sprachwissenschaftlicher Sicht. Berlin: Walter de Gruyter, 1967.
7. *Плунгян В.А., Рахилина Е.В.* Сирконстанты в толковании? // Z. Saloni (red.), Metody formalne w opisie języków słowiańskich. Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 1990. Pp. 201–210.
8. *Плунгян В.А., Рахилина Е.В.* Тушат-тушат — не потушат: грамматика одной глагольной конструкции // Е.В. Рахилина (ред.). Лингвистика конструкций. М.: Азбуковник, 2010. С. 83–94.
9. *Рахилина Е.В., Резникова Т.И.* Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 3–31.
10. *François A.* Semantic maps and the typology of colexification: Intertwining polysemous networks across languages // M. Vanhove (ed.), From Polysemy to Semantic Change. Towards a Typology of Lexical Semantic Associations. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2008. Pp. 163–215.
11. *Рыжова Д.А., Добрушина Н.Р., Бонч-Осмоловская А.А., Выренкова А.С., Кюсева М.В., Орехов Б.В., Резникова Т.И.* (ред.). Еврика! Сборник статей о поисках и находках к юбилею Е.В. Рахилиной. М.: Лабиринт, 2018.
12. *Резникова Т.И.* Глаголы прятания: типология систем // Вопросы языкознания. 2022. № 4. С. 66–94.
13. *Weiss E.* *Tun: machen*: Bezeichnungen für die kausative und die periphrastische Funktion im Deutschen bis um 1400. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1956.
14. *Frings Th.* Grundlegung einer Geschichte der deutschen Sprache. Halle (Saale): Max Niemeyer, 1950. 2. Auflage.
15. *Geeraerts D.* Polysemy and prototypicality. On Georges Kleiber, La sémantique du prototype // Cognitive Linguistics 1992, № 3. Pp. 219–231.
16. *Koch P.* Der Beitrag der Prototypentheorie zur Historischen Semantik: Eine kritische Bestandsaufnahme // Romanistisches Jahrbuch 1995, № 46. S. 27–46.
17. *Blank A.* Prinzipien des lexikalischen Bedeutungswandels am Beispiel der romanischen Sprachen. Berlin, Boston: De Gruyter, 1997.
18. *Рахилина Е.В., Резникова Т.И., Рыжова Д.А.* Типология метафор падения // Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Т. 16 (1). С. 64–112.
19. *Fauconnier G., Turner M.* The Way We Think. Conceptual Blending and the Mind’s Hidden Complexities. New York: Basic Books, 2002.
20. *Meyer I.R.* Das Funktionsverb “tun” im Wolgabolgarisch-Čuwašischen // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae 1988, B. XLII (1). S. 93–110.
21. *Klimov G.A.* Etymological Dictionary of the Kartvelian Languages (Trends in Linguistics, Documentation 16). Berlin, New York: Mouton De Gruyter, 1998.
22. *Кронгауз М.А.* Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М.: Языки русской культуры, 1998.
23. *Janda L.* Russian prefixes as a verb classifier system // Вопросы языкознания. 2012. № 6. С. 3–47.
24. *Bräuer H.* “Tun” und “machen” im Altkirchenslavischen und Altrussischen // Orbis scriptus. Dmitrij Tschizewskij zum 70. Geburtstag. München: Wilhelm Fink, 1966. S. 125–134.
25. *Koehler L., Baumgartner W., Stamm J.J.* The Hebrew and Aramaic Lexicon of the Old Testament. Leiden: Brill, 1994–2000.
26. *Yoshioka G.-I.* A semantic study of the verbs of doing and making in the Indo-European languages. Tokyo: Tsukiji type foundry, 1908.
27. *Leslau W.* Etymological dictionary of Gurage (Ethiopic). Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1979.
28. *Kabell A.* Über einige Verba für “tun” in den germanischen Sprachen // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. 1973, № 87. S. 26–35.
29. *van der Auwera J.* Periphrastic ‘do’: Typological prolegomena // G.A.J. Tops, B. Devriendt, S. Geukens (eds.). Thinking English grammar: To honour Xavier Dekeyser, professor emeritus. Leuven: Peeters, 1999. Pp. 457–470.
30. *Резникова Т.И.* Грамматикализация конструкций с глаголом ДЕЛАТЬ: типология и семантика. Дис. ... канд. филол. наук. М., МГУ им. М.В. Ломоносова, 2003.

31. Jäger A. Typology of periphrastic do-constructions (Diversitas Linguarum 12). Bochum: Brockmeyer, 2006.
32. Jäger A. Grammaticalization paths of *periphrastic do-constructions* // Studies van de BKL/Travaux du CBL/Papers of the LSB 2007. URL: <https://sites.uclouvain.be/bkl-cbl/wp-content/uploads/2014/08/jag2007.pdf>
33. Rix H. (ed.), *Lexicon der Indogermanischen Verben*. Wiesbaden: Ludwig Reichert, 1998.
34. Behaghel O. *Deutsche Syntax: eine geschichtliche Darstellung*. Bd. II. Die Wortklassen und Wortformen. Heidelberg: Winter, 1924.
35. Denison D. *English historical syntax: Verbal constructions*. London, New York: Longman, 1993.
36. Paul H. *Deutsches Wörterbuch*. Halle (Saale): Max Niemeyer, 1935. 4. Auflage (bearb. von K. Euling).

REFERENCES

1. Zaluzniak, Anna A. *Semantičeskaja derivatsija v sinhronii i diahronii: proekt sozdanija "Kataloga semantičeskich perehodov"* [Semantic Derivation in Synchrony and Diachrony: a Project of "The Catalogue of Semantic Shifts"]. *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the Study of Language]. 2001, No. 2, pp. 13–25. (In Russ.)
2. Zaluzniak, Anna A., Bulakh, M., Ganenkov, D., Gruntov, I., Maisak, T., Russo, M. The catalogue of semantic shifts as a database for lexical semantic typology. *Linguistics*. 2012, No. 50 (3), pp. 633–669. (In Engl.)
3. Heine, B., Claudi, U., Hünnemeyer, F. *Grammaticalization: a conceptual framework*. Chicago, University of Chicago Press, 1991. (In Engl.)
4. Paul, H. *Prinzipien der Sprachgeschichte*. Tübingen, Niemeyer, 1880. (In Engl.)
5. Bréal, M. *Essai de sémantique: Science des significations*. Paris, Hachette, 1897. (In Fr.)
6. Ullmann, S. *Grundzüge der Semantik. Die Bedeutung in sprachwissenschaftlicher Sicht*. Berlin, Walter de Gruyter, 1967. (In Germ.)
7. Plungian, V.A., Rakhilina, E.V. *Sirkonstanty v tolkovanii?* [Adjuncts in a Lexicographic Description?]. Z. Saloni (ed.), *Metody formalne w opisie języków słowiańskich*. Białystok, Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 1990, pp. 201–210. (In Russ.)
8. Plungian, V.A., Rakhilina, E.V. *Tushat-tushat — ne potushat: grammatika odnoj glagolnoj konstruktsii* [Verb Doubling in Russian: The Grammar of a Verbal Construction]. E.V. Rakhilina (ed.), *Lingvistika konstruktsij* [Construction Linguistics]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2010, pp. 83–94. (In Russ.)
9. Rakhilina, E.V., Reznikova, T.I. *Frejmovyj podhod k leksicheskoj tipologii* [A Frame-Based Approach for Lexical Typology]. *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the Study of Language]. 2013, No. 2, pp. 3–31. (In Russ.)
10. François, A. Semantic maps and the typology of colexification: Intertwining polysemous networks across languages. M. Vanhove (ed.), *From Polysemy to Semantic Change. Towards a Typology of Lexical Semantic Associations*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins, 2008, pp. 163–215. (In Engl.)
11. Ryzhova, D.A., Dobrushina, N.R., Bonch-Osmolovskaya, A.A., Vyrenkova, A.S., Kyuseva, M.V., Orekhov, B.V., Reznikova, T.I. (eds.) *EVRika! Sbornik statej o poiskah i nahodkakh k jubileju E.V. Rakhilinoj* [Collected Papers on Searching and Finding in Honour of E.V. Rakhilina]. Moscow, Labirint Publ., 2018. (In Russ.)
12. Reznikova, T.I. *Glagoly prjatanija: tipologija sistem* [Verbs of Hiding: A typology of Systems]. *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the Study of Language]. 2022, No. 4, pp. 66–94. (In Russ.)
13. Weiss, E. *Tun: machen: Bezeichnungen für die kausative und die periphrastische Funktion im Deutschen bis um 1400*. Stockholm, Almqvist & Wiksell, 1956. (In Germ.)
14. Frings, Th. *Grundlegung einer Geschichte der deutschen Sprache*. Halle (Saale), Max Niemeyer, 1950. 2. Auflage. (In Germ.)
15. Geeraerts, D. Polysemy and prototypicality. On Georges Kleiber, *La sémantique du prototype*. *Cognitive Linguistics*. 1992, No. 3, pp. 219–231. (In Engl.)
16. Koch, P. *Der Beitrag der Prototypentheorie zur Historischen Semantik: Eine kritische Bestandsaufnahme*. *Romanistisches Jahrbuch*. 1995, No. 46, S. 27–46. (In Germ.)
17. Blank, A. *Prinzipien des lexikalischen Bedeutungswandels am Beispiel der romanischen Sprachen*. Berlin, Boston, De Gruyter, 1997. (In Germ.)
18. Rakhilina, E.V., Reznikova, T.I., Ryzhova, D.A. *Tipologija metafor padenija* [The Metaphors of Falling]. *Acta Linguistica Petropolitana* 2020, Vol. 16 (1), pp. 64–112. (In Russ.)
19. Fauconnier, G., Turner, M. *The Way We Think. Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. New York, Basic Books, 2002. (In Engl.)
20. Meyer, I.R. *Das Funktionsverb "tun" im Wolgabolgarisch-Čuwašischen*. *Acta Orientaliae Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1988, B. XLII(1), S. 93–110. (In Germ.)
21. Klimov, G.A. *Etymological Dictionary of the Kartvelian Languages (Trends in Linguistics, Documentation 16)*. Berlin, New York, Mouton De Gruyter, 1998. (In Engl.)
22. Krongauz, M.A. *Pristavki i glagoly v russkom jazyke: semantičeskaja grammatika* [Prefixes and Verbs in

- Russian: a Semantic Grammar]. Moscow, Jazyki russkoj kultury Publ., 1998. (In Russ.)
23. Janda, L. Russian prefixes as a verb classifier system. *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the Study of Language]. 2012, No. 6, pp. 3–47. (In Engl.)
24. Bräuer, H. “Tun” und “machen” im Altkirchenslavischen und Altrussischen. *Orbis scriptus. Dmitrij Tschizewskij zum 70. Geburtstag. München, Wilhelm Fink, 1966, S. 125–134. (In Germ.)*
25. Koehler, L., Baumgartner, W., Stamm, J.J. *The Hebrew and Aramaic Lexicon of the Old Testament. Leiden, Brill, 1994–2000. (In Engl.)*
26. Yoshioka, G.-I. A semantic study of the verbs of doing and making in the Indo-European languages. Tokyo, Tsukiji type foundry, 1908. (In Engl.)
27. Leslau, W. *Etymological dictionary of Gurage (Ethiopic). Wiesbaden, O. Harrassowitz, 1979. (In Engl.)*
28. Kabell, A. Über einige Verba für „tun“ in den germanischen Sprachen. *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. 1973, No. 87, S. 26–35. (In Germ.)*
29. Auwera van der, J. Periphrastic ‘do’: Typological prolegomena. G.A.J. Tops, B. Devriendt, S. Geukens (eds.) *Thinking English grammar: To honour Xavier Dekeyser, professor emeritus. Leuven, Peeters, 1999, pp. 457–470. (In Engl.)*
30. Reznikova, T.I. *Grammatikalizatsija konstruksij s glagolom DELAT’: tipologija i semantika* [Grammaticalization of Constructions Featuring a Verb of Doing: Typology and Semantics]. PhD dissertation. Moscow State University, 2003. (In Russ.)
31. Jäger, A. *Typology of periphrastic do-constructions (Diversitas Linguarum 12). Bochum, Brockmeyer, 2006. (In Engl.)*
32. Jäger, A. Grammaticalization paths of periphrastic do-constructions. *Studies van de BKL. Travaux du CBL. Papers of the LSB 2007. URL: https://sites.uclouvain.be/bkl-cbl/wp-content/uploads/2014/08/jag2007.pdf (In Engl.)*
33. Rix, H. (ed.), *Lexicon der Indogermanischen Verben. Wiesbaden, Ludwig Reichert, 1998. (In Germ.)*
34. Behaghel, O. *Deutsche Syntax: eine geschichtliche Darstellung. Bd. II. Die Wortklassen und Wortformen. Heidelberg, Winter, 1924. (In Germ.)*
35. Denison, D. *English historical syntax: Verbal constructions. London, New York, Longman, 1993. (In Engl.)*
36. Paul, H. *Deutsches Wörterbuch. Halle (Saale): Max Niemeyer, 1935. 4. Auflage (bearb. von K. Euling). (In Germ.)*

Дата поступления материала в редакцию: 19 июня 2022 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 21 июля 2022 г.

Статья принята к публикации: 31 августа 2022 г.

Дата публикации: 31 октября 2022 г.

Received by Editor on June 19, 2022

Revised on July 21, 2022

Accepted on August 31, 2022

Date of publication: October 31, 2022